

Елена Сахно

Бразилия — страна карнавала и не только

«Пожалуй, ни один самый закрученный сюжет фэнтези не сравнится с неделей, проведенной в Салвадоре (город в Бразилии), если в течение этого времени пройти путь от фавелы до губернаторского дворца, или наоборот. Бразилия раскрепощает, учит, устрашает, радует, смешит, интригует и никогда не прекращает удивлять».

Елена Сахно

Цивилизация

Елена Сахно

**Бразилия – страна
карнавала и не только**

«БХВ-Петербург»

2013

Сахно Е. Г.

Бразилия – страна карнавала и не только / Е. Г. Сахно — «БХВ-Петербург», 2013 — (Цивилизация)

В книге рассказывается об одной из самых необычных стран мира, где свои законы диктует праздник, а повседневность порой напоминает театральное действо, – о Бразилии. В стране хватает и проблем, и сложностей, развивающихся подчас самым неожиданным образом. Обо всем этом увлекательно пишет наша соотечественница, которая не первый год живет в самом сердце Бразилии.

Содержание

Благодарности	6
О фотографе	7
Вместо предисловия	8
Глава 1. В «городских джунглях» Бразилии	10
Кто они – бразильцы?	10
«Общага» по-бразильски	17
Путешествие в «глубинку»	19
Квартира с музыкой	22
«Моя твоя не понимает», или Как сплясать африканский танец?	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Сахно

Бразилия – страна карнавала и не только

*... о том, что я видел, я мог бы говорить целый год. Короче, все
здесь не знают, где выход, а мы не знаем, где вход...*

Борис Гребеничиков

© Сахно Е. Г., 2013

© «БХВ-Петербург», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Благодарности

Я хочу выразить благодарность:

- моей маме Галине Владимировне Полтавец;
- моим бразильским друзьям – Жувану Батиста де Жесус (Рико Капозэйра), Леандро Батиста Силва;
- а также моей подруге Ирине Валерьевне Юровой, которая помогала мне в подготовке книги к печати.

A autora agradece:

minha mãe Galina Poltavets;

meus amigos brasileiros Juvan Batista de Jesus (Riko Capoeira), Leandro Batista Silva;

minha amiga Irina Iurova.

О фотографе

Тайрини Сеута – журналист, продюсер и фотограф, живет в бразильском городе Салвадор. В 2011 и 2012 годах получила премию Городской футбольной лиги Салвадора за серию фотографий и статей, посвященных развитию спорта в периферийных районах Салвадора и пригородах. Эти работы были опубликованы в газете «МАССА!», которая принадлежит издательской группе «А Тарде». Тайрини Сеута – автор фотографий, иллюстрирующих книгу.

Tairine Ceuta é jornalista, produtora e fotógrafa soteropolitana. Em 2011 e 2012 foi homenageada pela Liga de Futebol Municipal de Salvador resultado do seu trabalho fotográfico e jornalístico, desenvolvido em comunidades carentes na cidade de Salvador e região Metropolitana, veiculado no jornal MASSA! – pertencente ao grupo A Tarde. Tairine Ceuta é autora das fotografias utilizadas para ilustrar este livro.

Вместо предисловия

В этой книге речь пойдет об одной из самых необычных стран мира. О стране, где свои законы диктует праздник, а повседневность, порой, напоминает театральное действо. Это Бразилия.

В нашем представлении Бразилия – страна танцующих мулаток и футбольных виртуозов. Однако ее жаркие земли обладают множеством других поводов для восторга и восхищения. Конечно же, хватает и проблем и сложностей, развивающихся подчас самым неожиданным образом. Но в целом можно согласиться с тем, что это страна вечного праздника. А бывают ли вообще в Бразилии будни? Пожалуй, нечасто. День, не отмеченный в календаре, не связанный с какими-то религиозными или культурными традициями, легко может стать ярким праздником благодаря чьей-нибудь инициативе, а любителей создать новое событие буквально из ничего в Бразилии предостаточно.

При этом сориентироваться в фейерверке сочных красок, безумной музыки, разнородных культурных символов, переплетений вековых традиций и сиюминутных импровизаций бывает непросто. Если гость из Европы захочет отказаться от роли туриста и стать полноправным участником буднично-праздничного действия, перед ним распахнутся двери, ведущие в настоящий «культурный лабиринт», который будет полон загадок. Постепенно, по мере нахождения «отгадок» в самых разных сферах бразильской жизни, вырисовывается многослойный культурный контекст, куда входят и повседневность, и праздники.

Начав собирать информацию о том, что такое «бразилидаде» (brasilidade) – бразильский взгляд на мир, восхищаешься культурным разнообразием, творческим потенциалом, гибкостью и гармоничностью совокупности представлений о жизни, свойственной бразильцам. Именно это создает культурную почву, на которой вырастают самые невероятные цветы творчества, радости, знания и единства.

Один из самых ярких примеров бразильского культурного разнообразия – город Салвадор, полностью он называется: Сан Салвадор да Баия де Тодос ос Сантос (São Salvador da Bahia de Todos os Santos). Находится этот город на 12° 58 16" южной широты и 38° 30 39" западной долготы, примерно на 1000 км ниже линии экватора. Его жителей называют баиянцы (баиянос, baianos) – по названию штата Баия (Bahia), или сотерополитанос (soteropolitanos, русскую версию этого слова, наверное, изобретать не стоит) – по переводу на греческий названия города Сотерópolis (Soterópolis) – город Спасителя. Салвадор был столицей Бразилии с 1549 по 1763 годы. Это один из первых городов, построенных переселенцами в Новом Свете. Теперь он является столицей штата Баия и, как его часто и заслуженно называют, культурной столицей Бразилии.

Современный Салвадор – город, где традиции, искусство и образ жизни народов Европы, Африки, Азии и собственно Южной Америки слились в невероятном калейдоскопе. Его хочется сравнить с огромной творческой лабораторией, где в незримых плавильных тиглях кипят и смешиваются постмодернистские изыски с наследием древних цивилизаций; сказания индейцев и африканцев с философией немцев и французов; утонченный классический балет с неистовой африканской пляской; католический обряд с языческим ритуалом.

Пожалуй, ни один самый закрученный сюжет фэнтези не сравнится с неделей, проведенной в Салвадоре, если в течение этого времени пройти путь от фавелы до губернаторского дворца (или наоборот). Буквально на каждом углу – в соседстве элитных кварталов и скромных улочек, на пересечениях асфальтовых проспектов с замощенными булыжниками мостовыми – внимательного путешественника ждут новые открытия. Бразилия раскрепощает, учит, устрашает, радует, смешит, интригует и никогда не прекращает удивлять.

Даже короткое путешествие в этот мир ярких красок позволяет увидеть жизнь совершенно по-другому, переоценить многое и научиться быть счастливым.

С уважением, Елена Сахно

Глава 1. В «городских джунглях» Бразилии

Кто они – бразильцы?

Моя учеба в Бразилии не ограничивалась изучением грамматических тонкостей португальского языка. Университет (УФБА – Федеральный Университет штата Баия) не слишком загружал нас, иностранцев, уроками. Занятия шли всего два дня в неделю. В день – два академических часа плюс небольшое задание на дом. Словом, свободного времени у нас хватало. Каждый студент заполнял его, как хотел. Профессор-антрополог, счастливая обладательница французского и бельгийского гражданств, писала научную работу; итальянка и немка, одна по профессии тренер по пилатесу, другая – учитель физкультуры, подрабатывали в фитнес-клубах. Даже трудяга-японец расслабился, увлекся капоэйрой (бразильским национальным боевым искусством) и стал меньше времени уделять подготовке к занятиям. Студенты из США предпочитали расслабляться на пляжах – про домашние задания не вспоминали, да и уроки частенько прогуливали.

А я решила познать как можно более полно и глубоко, какова жизнь в Бразилии. Дома я подолгу не сидела. Побывала в самых разных местах, начиная от дворца Рио Бранко (Rio Branco), где заседает Правительство штата Баия, и заканчивая фавелой в Нижнем городе. Познакомилась со множеством интересных людей, выиграла чемпионат штата по бразильским народным танцам в составе квдрильи (фольклорный ансамбль) «Аза Бранка» (Asa Branca), поучаствовала в реорганизации Торговой палаты Бразилия – Россия в штате Баия и в написании бразильской книги о Советском Союзе сталинских времен, рассказала о происхождении русского языка на собрании в Академии культуры, приняла участие в благотворительной акции в фавеле Сабоейро (Saboeiro)... Каждый день приносил новые сюрпризы. Бразильская жизнь раскрывалась передо мной – увлекательная, яркая, непредсказуемая. Реальность превосходила самые смелые фантазии. А информация о том, кто такие бразильцы, потихоньку накапливалась.

Начнем по порядку. В 1500 году на Южноамериканский континент прибыл португальский мореплаватель Педро Алвес Кабрал (Pedro Alves Cabral), первооткрыватель Бразилии. В те времена на территориях, которые сейчас принадлежат бразильскому государству, проживало, по разным данным, от 5 до 6 миллионов индейцев. В наше время коренных жителей в Бразилии насчитывается 800 тысяч, то есть 0,4 % от общего числа граждан. Всего в стране проживает 190 732 694 человека (по данным переписи населения на 2010 год).

Несмотря на эту грустную статистику, нельзя считать индейские племена сгинувшими безвозвратно. В 2002 году вышла книга Гомо Бразилис (Homo Brasilis), где опубликованы результаты исследований генетика Сержио Данило Пена (Sérgio Danilo Pena). Ученый доказывает, что 70 % бразильцев, принадлежащих к европейской расе, имеют индейские и африканские гены. В течение первых столетий колонизации нового континента процесс метисации был очень сильным. Поэтому, шагая по улицам любого бразильского города, можно с уверенностью сказать: индейцы среди нас. Теперь они не носят головные уборы из перьев и не раскрашивают лица. Эти люди одеты в белые рубашки и джинсы – таков бразильский деловой стиль, они учатся в университетах и работают в офисах. И все же генетическая память оказывает существенное влияние на их склад характера.

Южноамериканские индейцы – раса загадочная. О том, какими были культура и образ жизни древних индейских цивилизаций в Бразилии, мы можем только догадываться. К моменту появления европейцев, на современных бразильских территориях обитали племена, находившиеся на разных стадиях развития. Были среди них каннибалы, были общины, сто-

явшие на более высокой ступени культуры, известна народность тапажб (tapajó), обладавшая государственным устройством. До сих пор близ города Сантарэн (Santarém) в штате Парá (Pará) находят керамические вазы и статуэтки, изготовленные индейцами тапажб. Вещи эти сделаны с таким мастерством и изяществом, что спорят с образцами античной греческой керамики. Все же португальцам не пришлось столкнуться с высокоорганизованными сообществами, подобными государствам ацтеков и майя, оказавшим серьезное сопротивление испанским завоевателям в Центральной Америке. Однако это не означает, что таковых на территории Бразилии не существовало. Их расцвет пришелся на более ранние века истории.

В наши дни энтузиасты ищут в амазонской сельве затерянные города индейцев. Существует легенда о скрытых в непроходимых джунглях трех городах: Акаин (Akahim), Акакор (Akakor) и Аканис (Akanis), где по сей день живут представители высокоразвитой индейской культуры, владеющие древними знаниями и обладающие магическими способностями. Обитаемых городов пока не нашли, но в Национальном парке Шингу (Xingu) в штате Амазонас (Amazonas) есть древнее селение Куикугу (Kuhikugu), вызывающее у исследователей множество вопросов. Это идеально круглое, как вычерченное циркулем, каменное городище, резко отличающееся от окрестных джунглей. От центра к окраинам ведут несколько прямых, как лучи, улиц. Жители города сажали полезные растения и разводили рыбу в искусственных водоемах. По одной из версий, обитатели Куикугу погибли от болезней, занесенных европейцами, против которых у индейцев нет иммунитета. Каким образом они могли заразиться, не ясно, так как о контактах европейцев и высокоразвитых туземцев нигде не упоминается. Более вероятной представляется версия, что строители Куикугу покинули город задолго до появления в этих местах португальцев. Возможно, после ухода основателей их селение послужило пристанищем другим индейским племенам.

Другая загадка древней цивилизации – Педра ду Ингá (Pedra do Ingá) в штате Парайба (Paraíba). Это гигантский монолит, одна из сторон которого гладко отесана. Пространство в 24 метра длиной и 4 метра высотой сплошь покрыто вырезанными на камне рисунками и иероглифами. Кто, каким образом и зачем сделал изображения, неизвестно. Тайна иероглифов нераскрыта. Время изготовления наскального искусства определяется от 5 000 до 3 000 лет до нашей эры.

Камни поменьше с рисунками, иероглифами или узорами можно увидеть в штатах Амазонас, Пара и других. В индейских языках есть слово итакоатиара (itacoatiara), означающее «разрисованный камень». Если спросить аборигенов о том, кто разукрасил камни, они ответят, что это были не они сами и даже не их предки. Сделано это было очень давно. А когда? Когда боги и люди жили рядом – таков ответ. Речь идет о более древних цивилизациях, чем майя или ацтеки, обладателях сложных неизвестных нам технологий.

В Бразилии ищут следы атлантов. В штате Баия (Bahia) был обнаружен свой «Стоунхендж» – древний каменный город, названный первооткрывателями Ингрежил (Ingrejil). Здесь гигантские овальные и конические валуны воткнуты в землю ровными рядами, установлен каменный «стол» – огромный плоский камень на вершине другого; стоит непонятного назначения конструкция – длинный овальный монолит, уложенный на три относительно небольших камня, и, наконец, символ затерянного города – три плоские круглые каменные «тарелки» разного размера, напоминающие диски в пирамидке. Они поставлены на ребро и вкопаны в землю одна за другой. Ингрежил находится на той же широте, что и священный город перуанских индейцев Мачу Пикчу.

По мнению исследователей, Южноамериканский континент был заселен 12 тысяч лет назад. Есть археологические раскопки, подтверждающие присутствие человека на бразильских землях 50 тысяч лет назад. Люди и боги (атланты и т. п.) жили бок о бок. Куда исчезли представители загадочных цивилизаций? Невозможно представить, что какая-то катастрофа унесла

их жизни. Почему тогда менее приспособленные к испытаниям индейцы, стоявшие на низшей ступени развития, благополучно выжили?

Если бы масштабная трагедия случилась в «городе богов», это нашло бы отражение в индейских легендах, а в них ни о чем подобном не сказано. Строители каменных городов и авторы наскальных гравировок пропали, как по волшебству. Может быть, они – прародители индейцев, которые непостижимым образом потеряли знания предков и стали считать их богами? Как бы то ни было, живя в соседстве с древними цивилизациями, индейцы должны были чему-то у них научиться. Возможно, эти знания легли в основу индейской магии.

Вообще, об уцелевших индейцах в Бразилии знают на удивление мало. Живут коренные обитатели континента обособленно, в контакт с «бледнолицыми» без необходимости не вступают, к культуре своей приобщать не стремятся. Каким видит мир индеец, как представляет себя и свой жизненный путь – сложно сказать. Известно, что индейцы ничего не запрещают своим детям. «Ребенок – хозяин мира», – говорят бразильцы, побывавшие в индейской деревне. Малыши могут бегать где угодно, играть с чем угодно, есть, сколько хотят. Никто не мешает им познавать мир на своем опыте. Играя в коллективные игры, индейские дети не стремятся стать лучшими и не расстраиваются, если что-то не получается. Результат стараются разделить поровну, важнее общее участие, чем чей-то личный выигрыш или проигрыш. Помощь старшим тоже приобретает черты игры, никого не принуждают.

Говорят, что индейцы не выделяют себя из окружающей природы. Но ведь у них есть местоимение «я», есть индивидуальные имена, стало быть, есть представление о том, что такое личность. Как эта личность умудряется обходиться без противопоставлений «я – они», «я – окружающий мир» трудно представить.

Индейцы обожествляют солнце, чтят луну, поклоняются духам предков. Дневное светило – царь, бог, отец. В мифах у солнца может быть дом, жена, сыновья. Оно может спускаться на землю и общаться с людьми. В одной из легенд говорится, что луна появилась на небе после того, как из племени сбежал нарушитель законов, спрятался на высоком дереве. Он пропал для мира живущих и оказался в мире потустороннем. Круглое лицо хулигана превратилось в круглое светило. В других мифах луна – сестра-супруга солнца.

Солнце может обретать женские черты и называться «мать живых» – Гуараси (Guarasy), то есть источник жизни людей и животных, а луна – «мать растений» Жаси (Jasy). Согласно индейской логике, ничего не появляется на свет без матери. Женская сущность как источник происхождения есть у всего – существует «мать леса», «мать дождя», «мать огня» и т. д. Во время эпидемии желтой лихорадки «мать» придумали и для болезни! Таким образом, вся природа наполнена семейными отношениями, сравнимыми с человеческими.

В мифах амазонских индейцев встречаются рассказы о Баира (Baíra) – учителе, который открыл людям тайны природы, научил делать луки и стрелы и охотиться с этим оружием. Иногда о Баира говорят как о боге, сотворившем для нас луну и солнце. В последнем утверждении могущество мудреца явно преувеличено. И все же мифы дают основания думать, что был некий представитель древней цивилизации, помогавший аборигенам (или новопришедшим в Южную Америку индейцам) устроиться в окружающем мире.

Один из индейских языков – тукану (tucano) – лингвисты сравнивают с древнегреческим по структурному богатству. Например, в нем 12 форм прошедшего времени глагола. Зачем охотникам и собирателям такой гибкий и полный оттенков язык? Какие события из прошлого индейцы с такой дотошностью объясняли друг другу? В наше время на эти вопросы ответить невозможно. Без сомнения, индейцы – обладатели особого взгляда на мир, совершенно непохожего на наш с вами. И бразильцы в силу того, что они – потомки индейцев, обладают частичкой этого мировоззрения, может быть, даже не частичкой, а немалой частью. Из этого, наверное, вытекает своеобразное представление бразильцев о времени и другие характерные черты, о которых речь пойдет позже.

Говоря о происхождении бразильской нации, нельзя отрицать вклад африканцев в ее создание. Бразилец с голубыми глазами и прямыми волосами может оказаться носителем большего числа генов африканской расы, нежели европейской, просто они находятся в латентном состоянии. Наследие Черного континента может не отразиться на внешности, и все же оно обязательно сыграет свою роль в формировании характера.

К сожалению, российскими и зарубежными СМИ в наше время создан негативный образ Африки и африканцев. Со словом «Африка» ассоциируется выжженная земля, голодные дети, агрессивные и неприспособленные к жизни мигранты в европейских городах, жители гетто в США. Бразильский Салвадор – пожалуй, первый город в мире, который взял на себя инициативу преодоления такого представления о Черном континенте и его жителях. В столице штата Баия существует несколько центров изучения африканской истории и культуры, открыты курсы языка йоруба, крупные африканские страны – Ангола, Нигерия, Бенин имеют здесь свои культурные представительства, где есть музеи национального искусства, организуются праздники и тематические вечера.

Я побывала на нескольких уроках йоруба, проходивших в нашем университете. Преподавал нигериец, одетый согласно традициям своей страны. На нем была длинная, прямого покроя рубаша навыпуск, узкие штаны и шляпа цилиндрической формы без полей. Все это было сшито из тонкой материи песочного цвета, покрытой геометрическими узорами.

Язык йоруба почти сплошь состоит из гласных. Некоторые существительные короткие – один-два слога, но в процессе словообразования они так обрастают приставками и суффиксами, что одно слово несет смысловую нагрузку целой фразы. На йоруба невозможно говорить быстро. Просто поперхнешься при попытке произнести в спешке два длинных слова подряд. Общение может проходить только в ритме неспешной беседы.

Йоруба среди других африканских наречий оказал самое большое влияние на бразильскую культуру. Это язык религиозного культа кандомблэ, язык песен, заклинаний и легенд. Недаром некоторые интонации нашего учителя показались мне знакомыми, похожими на те, что звучат в разговорах людей на улице.

В йоруба интересная форма прошедшего времени: по моему субъективному мнению, они говорят о прошлом так, как если бы оно все еще происходило, но при этом находилось «внутри» настоящего. Получается, что время движется и одновременно стоит на месте. Настоящее, будущее и прошлое, зафиксированные в этом языке, можно сравнить с тремя сферами, находящимися одна внутри другой. Человеческий разум собирает их все в единство. Сам человек живет в этих трех сферах одновременно. Мир вокруг него неизменен, уютен и предсказуем.

500 лет назад в этом понятном и любимом мире появились пришельцы – работорговцы. Африканцев выдернули из привычной среды, перевезли на другой континент, заставили жить в совершенно новых условиях, не имеющих ничего общего с их привычными представлениями. При этом никто не задумывался о том, что у рабов есть своя культура. Знания и умения невольников не ценились. Из-за этого широкие культурные пласты были потеряны. Теперь эту информацию пытаются восстановить. В бразильском научном сообществе есть историки, этнографы, антропологи, лингвисты, изучающие культуру и историю Африки до начала эпохи Великих географических открытий, собирающие информацию о сохранившейся, несмотря на рабство, африканской культуре в Бразилии.

Юридически расизма в Бразилии нет. Вне зависимости от цвета кожи и вероисповедания граждане имеют равные права. За расистские высказывания можно получить штраф и даже срок в тюрьме. Но в головах некоторых граждан расизм еще остался. Обусловлен он, в основном, социальными причинами – среди бразильских бедняков больше потомков африканцев. Есть люди, которые своего соотечественника с соответствующим цветом кожи заранее «подозревают» в том, что он беден и имеет низкий уровень образования. Многие метисы, особенно

молодые, выпрямляют волосы, избегают нахождения на солнце, чтобы не стать еще смуглей, стараются одеваться «по-европейски» или «по-североамерикански».

Несмотря на это, афро-бразильская культура всегда играла значительную роль в жизни страны. А в последние два десятилетия в Баие, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу идет целенаправленное «воскрешение» африканской культуры и поддержка бразильских видов искусства, имеющих африканские корни. С телеэкрана говорят о том, что стесняться своего происхождения и отвергать часть своей истории – недостаток уважения к себе. Информация об Африке, африканских переселенцах в Бразилии – их верованиях, музыке, песнях, мифах и легендах, обрядах и традициях – находится «в открытом доступе», то есть нет недостатка ни в фольклорных праздниках, предназначенных для детей и взрослых, ни в семинарах и конференциях. Университетское подразделение СЕАО (Centro dos Estudos da Africa e Oriente) – центр изучения Африки и Востока находится по соседству от дома, где я снимала квартиру. Во время проведения этим центром Недели Африки двери были открыты для всех желающих. Я попала на беседу с ангольской писательницей, имени ее не могу вспомнить, очень сложное. Выглядела дама эффектно – высокая, в длинном ярко-оранжевом свободного покроя платье, с копной черных курчавых волос. Она рассказала, что в США издано несколько ее романов. Показала свои книги. Анголка говорила о том, как было сложно в Соединенных Штатах (там она пишет докторскую диссертацию) добиться издания этих книг. В своих романах она повествует о жителях ангольских деревень, их непростых судьбах, их размышлениях, надеждах и ожиданиях. Из ее рассказа можно было сделать вывод, что ангольцы склонны к философствованию. Один из символов Анголы называется «мыслитель» – статуэтка пожилого человека, который сидит на корточках, уткнув локти в колени, и о чем-то напряженно думает, закрыв руками уши от постороннего шума.

Затем начался семинар, посвященный африканской кухне: после небольшой вступительной речи можно было попробовать национальные блюда, которые собственноручно приготовил студент-анголец. Еду принесли в больших глиняных горшках, плотно закрытых крышками. Пахло вкусно. Курица с пряностями не обманула моих ожиданий. Были еще зеленая масса из овощей и блюдо, приготовленное из мелко нарезанных куриных потрохов. На сладкое – кусочки мякоти кокоса в сиропе.

Пожив в Салвадоре, я убедилась, что все эти блюда имеют аналог в баианской кухне. Курица с пряностями – галинья кайпира (*galinha caipira* – буквально, «курица по-деревенски»), масса из овощей и морепродуктов – ватапá (*vatapá*), куриные потроха в соусе – сарапател (*sarapatel*). Сладостей из кокоса – великое множество. Что может говорить более красноречиво о близости бразильской и африканской культур?

Поэтому неудивительно, что представители научной и творческой элиты Салвадора взялись за освобождение имиджа Африки и африканца от негативных черт, которыми его щедро наполнила история. Разумеется, история, написанная европейцами.

Качества африканского характера: эмоциональность, коллективизм, веселость и жизнерадостность в любых испытаниях, фантазия, любовь к искусству, интуиция – найдутся у бразильца любого оттенка кожи.

В современной бразильской культуре африканское, индейское и европейское начала так перемешаны, что невозможно определить, какое превалирует. Можно сказать, что из Европы приходят идеи, а их реализация и смысловое наполнение – бразильские, афро-индейские. Например, Карнавал был привезен португальцами, но кардинально изменился здесь. Теперь его основные приметы – барабанная музыка и украшенные перьями костюмы, что совсем не похоже на Португалию.

Идеи рождаются и в самой Бразилии. Культурное разнообразие – благодатная почва для возникновения нового. В результате смешения барабанных ритмов разных африканских пле-

мен на свет появилась самба – музыка чисто бразильская, ни в одном уголке мира нет ничего похожего.

В XXI веке в европейских с виду городах Бразилии – в деловых кварталах с небоскребами и фешенебельными торговыми центрами, на старинных узких улочках, где тесным строем, плечом к плечу, стоят двух-трехэтажные дома, совсем как в исторических кварталах Мадрида или Лиссабона, обитает самобытная, непривычная для нас культура. Уклад жизни здесь отличается настолько, что европеец нередко по несколько раз в день задается вопросом: почему так? Иногда ответ удается получить, когда вспоминаешь об индейских и африканских корнях тех, кто сейчас находится рядом.

В частности, это объясняет бразильскую любовь к праздникам и ритуалам. Календарь «красных дней» тут очень обширный и разнообразный. Отмечают даты, пришедшие из разных религий, годовщины исторических событий, изобретают особые «дни», например День детей или День влюбленных, есть даже День самбы. Каждый праздник проходит по своему сценарию, формировавшемуся в течение долгого времени. Иногда «возраст» праздничного ритуала составляет несколько столетий. При этом ход действия всегда тщательно разрабатывается и продумывается организаторами и участниками.

В начале моей бразильской одиссеи я удивлялась тому, с какой серьезностью местные жители, начиная от префекта города и заканчивая соседской домработницей, относятся к праздникам. «Фэста» (festa – праздник) играет не меньшую роль в жизни бразильцев, чем работа или учеба, иногда она даже оттесняет эти более почтенные с нашей точки зрения занятия на второй план. Странно, необычно для нас, европейцев. А если взглянуть на ситуацию глазами представителей древних культур, тогда становится понятно. Для человека, ведущего традиционный образ жизни, вряд ли что-то может быть более важным, чем сезонный праздник, в основе которого лежит ритуал, объединяющий племя, природу и сверхъестественные силы в единый гармонический универсум.

Жители современных бразильских мегаполисов могут не отдавать себе отчета в том, что их жизнь и поныне построена в соответствии с ритмом, заданным предками. Однако к праздникам они готовятся за несколько месяцев, а то и за полгода. Придумывают сценарий события (чем насыщеннее, тем лучше), наполняют его зрелищными моментами, так что оно перерастает в театр под открытым небом, вовлекают тысячи участников, не скупятся на музыку, танцы, костюмы, декорации и спецэффекты. Стоит это все немалых денег. Финансируются праздники не только из местного и федерального бюджетов, но и усилиями участников. Скажем, город может предоставить концертную площадку и охрану. Шоу-программу горожане с удовольствием готовят сами, не жалея ни денег на костюмы, ни времени на репетиции. Профессиональные артисты, получающие гонорар от префектуры, соседствуют с любителями, которые иногда вкладывают последние деньги в подготовку своего номера.

Во время массовых бразильских праздников мало кто остается в стороне, разве что иностранцы, глядящие на все широко раскрытыми глазами. Местные жители так или иначе вовлечены в действо. Если не выступают на сцене, значит, танцуют на площади, приносят подарки Богине моря, проходят ритуал «снятия дурного глаза» у жрецов кандомбле, завязывают «на счастье» ленточки возле ограды церкви Носсо Сеньор ду Бонфим, одеваются в специальную одежду, собирают информацию о традициях этого дня по рассказам бабушек-дедушек или даже в Интернете. Весь город с его светлыми, темными, смуглыми, богатыми, бедными, образованными и полуграмотными жителями становится единым племенем, исполняющим освященный временем ритуал. Таким образом, через участие в праздниках передаются знания о культуре, истории, этике, религии и природе, сплавливается нация, сглаживаются на время социальные противоречия.

Праздники дают людям возможность выйти за рамки своих социальных ролей, проявить те качества своей натуры, которые не находят выхода в повседневности, направить в положи-

тельное русло избыточные энергии, ощутить единство. Самые большие любители городских выступлений – люди среднего и невысокого достатка, которые, буквально, живут от праздника до праздника. Нередко они в силу низкого образования, невозможности получить достаточную квалификацию, не реализованы в профессии и вынуждены работать на низких, малооплачиваемых специальностях, хотя способны на большее. Участие в подготовке праздничного события для этих людей – возможность проявить свою фантазию и талант, применить знания, стать лидерами, почувствовать успех и вкус славы, пусть даже в масштабах своего района. Несмотря на бедность, непрофессиональные танцоры, актеры и музыканты Бразилии – счастливые люди.

Бразильский праздничный календарь разбивает год на примерно равные отрезки времени, придает каждому месяцу свой неповторимый колорит, создает внутри страны особое информационное пространство, объединяет эмоции разных людей и реализует их через участие в разнообразных шоу, ритуалах и уличных танцах и, таким образом, формирует национальный характер.

В музыкальном и визуальном пространствах проявляются афро-индейские аспекты культуры, которые невозможно применить к чему-либо в повседневной деловой жизни современного большого города. Поэтому всевозможные зрелища, маскарады, уличные шествия и ритуалы играют и будут играть важную роль в жизни бразильцев. Позитивное, жизнерадостное начало, которым проникнуты все виды народного искусства в Бразилии, вкупе с творческим потенциалом разных рас, слитым воедино, создают яркий и самобытный культурный пласт, способный не только удивлять и развлекать, но и послужить основой для нового нестандартного осмысления человека, человечества и пути развития цивилизаций.

Итак, бразильцы – потомки индейцев, африканцев и европейцев, артистичный и творческий народ, в полной мере владеющий секретами искусства радоваться жизни.

«Общага» по-бразильски

Университет студентов-иностранцев жильем не обеспечивает. Решать квартирный вопрос приходится самостоятельно. Когда я приехала, секретарша университета порекомендовала мне хозяйку дома, сдающую комнату. На мой взгляд, она запрашивала чересчур дорого: 50 реалов в сутки – стоимость номера в 3-, а в малолюдный сезон и в 4-звездочном отеле. Зачем платить столько за комнату? Только из-за того, что в элитном районе Рио Вермелью (Rio Vermelho) и близко от нашего корпуса? Я переплачивать за место не стала и перебралась в студенческую поузаду в районе Барра (Barra). Это опять-таки туристический район, что соответствующим образом влияет на цены. Здесь я жила в 10 минутах от пляжа возле знаменитого маяка Фарол да Барра (Farol da Barra).

Набережная Барра очень красива. Это три маленькие подковообразные бухточки, разделенные небольшими мысами. На одном из них – знаменитый маяк, в здании которого сейчас расположен военно-морской музей, на других – форты Святой Марии и Святого Диого. Набережная широкая, чистая и обжитая. По вечерам здесь гуляют туристы со всех стран.

На Барра очень красивый закат. Две бухточки расположены «лицом» на запад. Около пяти часов вчера светило, меняя свой бледно-желтый цвет на чудесный золотисто-оранжевый, склоняется к морю, окрашивая воду сияющими бликами. Игра ярких закатных красок продолжается до наступления темноты (около семи часов вечера). Море и небо переливаются всеми оттенками: от желтого до малинового и лилового. Разноцветные лучи освещают набережную, делая все вокруг похожим на импрессионистский пейзаж. С моря дует свежий, прохладный ветерок. Хорошо и спокойно.

Несмотря на все эти красоты, с Баррой мне хотелось поскорее распрощаться. Дороговато, и народу много в поузаде. Целая общага набралась в четырехкомнатной квартире обычного дома. Постояльцы – молодые провинциалы, кто учиться приехал в мегаполис, кто – работать. По вечерам большинство собирается в гостиной болтать и смотреть телевизор.

Хозяйка поузады, тетушка лет пятидесяти с забавным именем Перпетуа (Perpetua) жила вместе с нами. Она была родом из провинциального городка Эуклидес да Кунья (Euclides da Cunha), в юности уехала в Салвадор на заработки и осталась в большом городе. Работала, как наши «челночники» – ездила за дешевым товаром в Парагвай (эта страна – латиноамериканский «Китай», там закупаются недорогими вещами невысокого качества – от одежды и обуви до электроники и бытовой техники) и продавала на рынке. Теперь она зарабатывала тем, что снимала четырехкомнатную квартиру и сдавала жилье внаем – по 2–3 человека в комнате. Уборку в поузаде Перпетуа делала сама. Она собирала у постояльцев одежду в стирку, загружала в машинку, чистые вещи сама гладила и разносила по комнатам. Каким-то образом Перпетуа умудрялась запоминать, какая вещь кому принадлежит. При мне ни разу не ошиблась.

Я быстро устала от того, что в доме слишком много народу. А для бразильцев это естественное состояние. В идеале, в бразильском доме приходится по комнате на человека, еще есть общая гостиная и гостевая комнаты. Но в таких условиях живут далеко не все. Часто большая разветвленная семья (скажем, женатый брат, замужняя сестра, их дети и родители) ютится в относительно небольшом доме или в квартире по два, три человека в комнате, а то и больше. Люди с детства привыкают к скученности, к постоянному присутствию кого-то рядом, и, похоже, не чувствуют потребности побыть в тишине и одиночестве. Дома болтают не переставая, включают телевизор, даже если не интересуются тем, что показывают – лишь бы шумовой фон был. Именно надоевший телевизор, который громко работал до 3 часов утра, послужил главной причиной моих энергичных поисков нового жилья.

Воровства или попыток пользоваться чужим без разрешения в поузаде не было, хотя комнаты нередко оставались открытыми в отсутствие жильцов. Перед тем как принять нового

постояльца, Перпетуа навела справки о его семье, заводила знакомство с родителями, хотя бы заочное – по телефону. Я попала к ней тоже не с улицы, а по рекомендации подруги-бразильянки. Все понимали: натворишь что-нибудь или хотя бы попадешь под подозрение – и папа, и мама будут знать, да еще каким-нибудь общим знакомым сообщат о «темных делишках». Поздние ночные прогулки Перпетуа тоже не поощряла. Сначала «сова», вернувшаяся за полночь, получала выговор в довольно мягкой форме. Если задержки допоздна продолжались, хозяйка докладывала родителям. Когда девушка начинала встречаться с молодым человеком, Перпетуа всегда просила привести его в гости и познакомиться.

К парням она относилась не так строго, хотя и предпочитала знать их подружек. В этом была как немалая доля любопытства, свойственного «кумушкам» в любом уголке Земли, так и обоснованная мера безопасности. Перпетуа сама в 17 лет перебралась в мегаполис из глубинки и знала, каково деревенскому пареньку или девчонке в большом и беспокойном городе. Она старалась оградить постояльцев от людей, которым не доверяла. Если избранник не вызывал симпатии, она говорила девушке прямо, что о нем думает, и убеждала поразмыслить: стоит ли продолжать отношения. Некоторые прислушивались к ее мнению. Были и те, кто не соглашался, вступал в конфликт и выезжал из поузады. Слишком строгая хозяйка? Зато не было среди жильцов ни любителей «травки», ни девушек свободного поведения, ни людей, связанных с криминалом.

Перпетуа блюла добрую славу своего заведения. Жили мы, как большая семья под присмотром доброй, но строгой тетушки. Выпить банку пива в квартире не возбранялось. А вот купить ящик пива и устроить в доме шумную вечеринку – такое никому даже в голову не приходило. Пиво пили на улице, благо баров на Барра хватает.

Самой яркой чертой нашей «тетушки» была глубокая и беззаветная вера в Бога. То, что Господь существует, что Иисус Христос приходил на землю, чтобы принять муки за людские грехи, что душа бессмертна, и после физической кончины мы окажемся в раю, аду или чистилище, она считала азбучными истинами, подвергать малейшему сомнению которые было бы кощунством. Перпетуа получила свое имя в честь одной из католических ипостасей Девы Марии – Nossa Senhora do Perpétuo Socorro, что, примерно, переводится как Наша Владычица Вечная Спасительница. В гостиной висела большая картина, изображающая этот образ Богоматери. Художественный стиль напоминал православную икону, только на картине Сын смотрел не на Мать, а в сторону. Почти каждое утро Перпетуа вставала в шесть часов и к семи шла в церковь на мессу. Она не пропускала ни одного религиозного праздника.

В родных краях Перпетуи есть поверье, что, если в особый день марта совершить паломничество в часовню, которая стоит на горе Монте Санто (Monte Santo – дословно, «Святой холм»), простятся все грехи за год. Поэтому каждый год в марте Перпетуа ездила в свой родной город Эуклидес да Кунья (Euclides da Cunha), навещала отца и мать и совершала восхождение. Монте Санто находится в часе езды на автобусе от Эуклидеса.

Вот и тогда, когда я жила у нее, Перпетуа собралась на свою малую родину. Как на грех, из поузады уехали все жилицы, в девичьей комнате я была одна. Оставлять в доме меня и ребят хозяйке не хотелось. Мальчики все были тихие-мирные, никаких проблем для меня они создать не могли. А соседи что подумают? С мнением окружающих в Бразилии принято считаться. Не отправлять же меня в Россию? Проблема решилась по-бразильски просто: Перпетуа прихватила меня с собой.

Путешествие в «глубинку»

Эквидес да Кунья только на карте называется городом, а сам по себе он – настоящая деревня, где кур больше, чем людей. Мама Перпетуи – бодрая 80-летняя старушка, живет в просторном деревянном доме вместе с двумя дочерьми, внучатой племянницей, правнуком и кем-то еще (сложно разобраться). У Перпетуи шесть сестер и один брат. Четверо из них живут в родном городке. Я поучаствовала во всех семейных визитах. Естественно, запуталась в том, кто кому кем приходится. Ни за что не запомнишь, если не записывать.

Мне повезло – в тот вечер в Эквидесе был праздник. Центр селения – это очень маленький старинный город с островерхими церквями, каменными двухэтажными домами и площадью, вымощенной брусчаткой. В свете фонарей он выглядит очень красиво. На площади по периметру стояли палатки, где продавали пиво, кайпириню, выпечку, включая такое типично деревенское лакомство, как бейжу – белый блин из мандиоковой муки с начинкой из гуйабады (джема из плода гуйаба), кокоса, сыра и т. п. Выступали артисты из Салвадора, играли молодежную бразильскую поп-музыку.

На следующий день я, Перпетуа и еще человек пять из ее семейства отправились в Монте Санто. Автобус привез нас в чистенький уютный городок, окруженный скалистыми горами. На вершине одной из них, на высоте 500 метров над уровнем моря, стоит маленькая церковь, построенная первыми переселенцами. Дорога к горному храму круто поднимается вверх. Она выложена крупными камнями. Взбираться по ней нелегко, поэтому для отдыха паломников на пути построены часовенки.

Природа здесь суровая и величественная. Климат в центральных областях штата Баия, как и в других северо-восточных штатах, очень отличается от побережья. Полгода – сухо и жарко, полгода – сезон дождей. В марте еще продолжается засушливый период. Растительности на склонах гор мало, деревья и кусты стоят без листвы. Тонкие сероватые ветви сливаются с облачным небом. Трава жухлая, блеклая, низкая. Обнажены древние скалы, иссеченные ветром утесы. Пространство просматривается далеко во все стороны. И всюду – бесконечные горбатые сопки, как волны застывшего океана. Во всем чувствуется застывшая, дремлющая мощь.

С вершины горы город Монте Санто выглядит маленьким, как набор детских кубиков: красные черепичные крыши, одноэтажные квадратные домики, круглая площадь в центре с зелеными горошинами подстриженных деревьев. (В свою очередь горы выглядят просто огромными, когда смотришь на них из города.)

Низкие плотные серые облака, кажется, плывут на уровне наших лиц. Будто вот-вот зацепят вершины соседних гор. Воздух наверху свежий и прохладный, дует ветер. Возле маленькой белой церкви на горе и на каменной тропе, ведущей к ней, сегодня многолюдно. На вершину поднимаются люди разных возрастов: от глубоких стариков до маленьких детей. Все тихие, серьезные, молчаливые.

Чтобы очиститься от грехов, нужно трижды обойти вокруг горной церкви. Во время этого крестного хода с макушки горы открываются панорамные виды окрестностей на многие километры. Самые дальние сопки кажутся серовато-голубыми, сливаются с небом. Их очертания размыты, словно они просвечивают сквозь какой-то туман. В таком месте волей-неволей задумаешься о быстротечности человеческой жизни и неизмеримом величии Создателя.

Под стать суровой природе и жители глубинных районов северо-востока Бразилии. Их называют сертанежо (sertanejo) от слова «сертан» (sertão) – так зовутся эти регионы. Они более сдержанны, более молчаливы, чем жители побережья океана, производят впечатление людей, углубленных в себя. При этом сертанежо отнюдь не отшельники. Жители глубинки гостеприимны, дружелюбны, умеют танцевать и играть на разных инструментах, любят шутки и весе-

лые компании. В этих краях высоко ценятся смелость и отвага, сертанежо восхищаются храбрцами.

Всего лишь в двух часах езды на автобусе от Эуклидеса находятся руины легендарного поселения Канудос (Canudos), бразильской Вандеи. В последнюю декаду XIX века Канудос был религиозной общиной, куда стекались бедняки со всех окрестных районов. Ее лидером был Антонио Конселейро (Antônio Conselheiro), человек, получивший свое прозвище (конселейро – советник) за то, что хорошо знал Евангелие и давал советы, почерпнутые из священной книги. Это был харизматичный вождь, которого при жизни почитали как святого.

Канудос, вернее Бело Монте (Belo Monte), как его называли сами жители, был своего рода маленьким теократическим государством. Люди там работали сообща, сами пользовались плодами своего труда, с окружающим миром связи почти не имели, об оплате налогов не думали. Когда в стране была свергнута монархия и заявлено отделение церкви от государства, религиозные фанатики из Бело Монте расценили это как пришествие царства Антихриста на землю и в открытую заявили о том, что не признают новую власть.

Антонио Конселейро был объявлен опасным монархистом. Чтобы подавить мятеж, правительство направило в село войска. Сначала это были 100 полицейских под командованием лейтенанта. По пути они попали в засаду, подготовленную жителями вольного селения. Ценой отчаянного мужества плохо вооруженные крестьяне обратили полицейских в бегство. Была выслана вторая и третья военные экспедиции против Канудос. Обе гораздо более многочисленнее, чем первая. Но и они не смогли подчинить мятежников. Тогда сам военный министр подготовил 4-тысячное войско, снабдив его лучшим оружием той эпохи. Вся мощь государства обрушилась на провинциальную деревню, справиться с которой силами штата не удалось. Солдаты окружили Канудос, но взять его не могли. У крестьян было оружие, захваченное в боях с первыми экспедициями. Они сражались с беспримерным мужеством. Наконец, сам военный министр, маршал Карлос Машаду Биттенкурт (Carlos Machado Bittencourt) явился в Баию, чтобы лично командовать операцией. В октябре 1897 года Канудос был захвачен и обращен в руины.

В составе последней военной экспедиции был журналист Эуклидес да Кунья, который под впечатлением от увиденного написал книгу «Сертаны» (Os Sertões), вошедшую в число самых значимых произведений бразильской литературы. Книга подразделяется на три части: «Земля» (описание природы и климата), «Человек» (посвящено жителям сертана) и «Война». «Сертаны» по сей день служит своеобразной энциклопедией жизни северо-восточных, удаленных от океана, регионов Бразилии. В честь писателя был назван, точнее, переименован родной город Перпетуи. Раньше он назывался Кумби (Cumbe).

Жители окрестных городов и деревень гордятся мужеством своих земляков, хранят память о них. Еще бы: провинциальное селение, где проживали и трудились на земле около 25 тысяч человек, осмелилось бросить вызов государству. И продержалось целый год в неравной борьбе. Сам военный министр был вынужден оставить свой кабинет в Рио-де-Жанейро и приехать сюда, воевать с пастухами и землепашцами. Сертанежо по сей день любят подчеркивать свой независимый и храбрый нрав. Слово «валэнче» (valente) – смелый, произносится с легким придыханием восторга.

Любимое развлечение сертанежо – вакейжада (vaquejada). Это соревнование пастухов (vaqueiro), которое по сути представляет собой эпизод их повседневного труда. Несколько всадников скачут вслед за быком. Убегающее животное нужно догнать, схватить за хвост и повалить. На первый взгляд, задача кажется невыполнимой – сбить с ног мчащуюся громадину и при этом самому не вывалиться из седла. Это возможно, только если объединить усилия всадника и коня. Лошадей для вакейжады тренируют несколько лет – учат по команде резко тормозить и двигаться с усилием в обратную сторону, чтобы плененный бык потерял равновесие. Пастух при этом прилагает все силы, чтобы не выпустить хвост пойманного животного.

Можно представить, каково приходится человеку, которого тянут в разные стороны конь и бык! Нужны большая сила и отчаянная храбрость, чтобы заниматься таким видом спорта. Тем не менее, в участниках вакейжады не бывает недостатка.

Самый крупный чемпионат вакейро в штате Баия проходит в городке Серринья (Serrinha) в первую неделю сентября. На эту вакейжаду съезжаются самые известные спортсмены со всей страны. Вечером, после дня соревнований, в Серринье проходит шоу с участием самых популярных певцов и певиц северо-восточных штатов. Всегда кроме звезд поп-музыки в программе есть форрбó – танцевальный бразильский кантри и сертанежо (это слово также употребляется для наименования жанра специфической деревенской музыки, где самые важные инструменты – гитара и аккордеон, а, например, барабанов может не быть вовсе). В этом музыкальном направлении большой популярностью пользуется дуэт Виктор и Лео (Victor & Leo) – новое поколение сертанежо, где играют на электрогитарах. Одно время их песня про влюбившегося в соседку паренька из многоквартирного дома звучала из каждого окна в Салвадоре. Эти сертанежо перешли уже на городскую романтику, сохранив напевный и плавный ритм, свойственный бразильской деревенской музыке.

Билеты на вакейжаду в Серринье появляются в продаже за 3–4 месяца и стоят дорого, поскольку дают право не только на просмотр состязаний, но и на вход на вечерние концерты.

Я во время путешествия в глубинку вакейжады не увидела. В городке Эуклидес да Кунья мне довелось только прокатиться на лошади, тренированной для таких соревнований. Это было сильное, красивое и на удивление послушное животное.

Квартира с музыкой

Вернувшись в Салвадор, я продолжила поиски жилья. Лучше всего делать это с помощью бразильских друзей. К сожалению, большинство квартирных хозяев полагают, что все иностранцы – богатые люди, и цену запрашивают соответствующую. Поэтому все переговоры вела не я сама, а кто-либо из моих приятелей. Подходящий вариант нашелся сам собой. Разговорились случайно с молодой преподавательницей школы танцев Изис Карлой (Ísis Carla) (в имени Изис ударение на первое «и», так в Бразилии произносится имя египетской богини Изиды, в честь которой была названа моя подруга), и она сказала, что хочет снять трехкомнатную квартиру в центре города и ищет соседку. Аренду предполагалось оплачивать пополам. Меня сначала насторожили размеры арендуемого помещения. Три комнаты, большая прихожая, она же – гостиная, кухня и так называемый «ареал ду трабальо» (комната, где стирают и сушат одежду). Да, еще балкон. Зачем нам двоим столько? Впрочем, моя часть оплаты была такой же, как я платила в поузаде Перпетуи, а место не в пример спокойнее. Здесь у меня отдельная комната, где можно закрыться и спокойно отдохнуть после наполненного событиями дня.

Поселились мы в исторической части города, в районе Дойс де Жульо (Dois de Julho), в двадцати минутах ходьбы от Пелоуриньо – исторического центра Салвадора. Название Дойс де Жульо, то есть «второе июля», было дано в честь Дня независимости Баии (об этом празднике речь пойдет позже). Наш дом был построен на кромке холма над морем. С балкона открывался великолепный вид на океан. К тому же балкон был достаточно велик, и здесь можно было выпить сока, а при желании и позагорать.

Телевизор у нас в доме был, но, слава Богу, Изис не любила сериалы, развлекательные передачи и тому подобный «шумовой фон». Она включала телевизор только для того, чтобы посмотреть DVD с редким фильмом или музыкой. Я с удовольствием присоединялась к просмотру: ее выбор меня устраивал.

Вообще моя соседка оказалась очень творческим человеком. Она преподавала народные танцы (*danças populares*) – историческое направление бразильских танцев, стоящее особняком от современной карнавальной самбы и афро. Этим танцам будет посвящен отдельный раздел. Кроме того, Изис училась на третьем курсе факультета музыки Федерального Университета штата Баия по специальности «пение». Когда мы съехались, она как раз закончила собирать музыкальную группу. К моей большой и искренней радости, местом репетиций стала наша прихожая-гостиная.

В группе участвовали пять человек. Лукас, аккордеонист, учился на факультете музыки на классического пианиста; Маркос, басист, был студентом того же факультета по специальности «классическая гитара». Двое других музыкантов играли на более экзотических инструментах. Одного из них называли «забумбейро» – от названия большого барабана «забу \$мба» (*zabumba*), второй – перкуSSIONист, играл, стуча палочкой по металлическому треугольнику, или управлялся со стальным станком, на котором были подвешены полые металлические трубочки, привинчены пластмассовые тарелки и еще какие-то штучки, из которых можно извлекать звук.

Группа называлась «Мария Койза» (*Maria Coisa*) по названию песни композитора-классика Луиса Гонзага (*Luiz Gonzaga*). Благодаря этому музыканту в стране обрели популярность северо-восточные народные музыкальные стили: байао (*baía*), шашаду (*xaçado*), форрô, сертанежо. Под эту музыку танцуют народные бразильские танцы. Изис не только преподавала их в школе, но и принимала участие в исследованиях этого культурного направления, в частности, выезжала в экспедиции в дальние деревни, выступала на семинарах и т. д.

За основу репертуара группы были взяты песни, которые в 1950-е годы исполняла ученица Луиса Гонзага – певица Маринês (*Marinês*). Такой псевдоним появился в результате быст-

рого произнесения настоящего имени певицы – Мария Инес. Ребята прослушивали старые записи, сами подбирали партии для своих инструментов, придумывали вариации. Я наблюдала весь творческий процесс. Музыканты собирались по вечерам, как раз когда заканчивались мои занятия. Приходя домой, я уже слышала звуки аккордеона и гитары, разносящиеся далеко. Дома я быстренько переодевалась, брала яблоко, пинью (pinha) – сладкий зеленый плод с сочной бледно-желтой мякотью, или стакан сока и усаживалась смотреть и слушать. Ребята на ходу изобретали разные варианты исполнения, улучшали звучание.

Большая часть сертанских песен – веселые, забавные, бытового или любовного содержания. Взять, к примеру, песенку про сеньора Малакияса, которая с 1950-х годов не теряет популярности. В ней говорится о том, что некий сеу Малакияс (сеньор Малакияс) приготовил 5 бочек кушанья из перца. В гости он пригласил, по одной версии, 40, по другой – 70 человек. Среди приглашенных была некая Мария Бента, которая сразу заявила: «Если острое, я есть не буду». «Можешь есть без страха, не острое», – успокоил ее Малакияс. А перец оказался очень жгучим! В качестве припева песни звучат слова возмущенной гостьи:

Ai, ai, ai seu Malaquias
Ai, ai, você disse que não ardia
Ai, ai, tá ardendo pra daná
Ai, ai, tá me dando uma agonia.

(Ай, сеу Малакияс, ты сказал, что не жжется, а он жжется так, что дальше некуда, ай, мне от него плохо!)

Другая нестареющая песня того же стиля «Шóчи дас Менинас» (Xote das Meninas), то есть «танец девушек». В ней поется о сложной семейной ситуации – некая девушка весной перестала есть, спать, учиться... Отец привел ее к врачу, а доктор без всякого осмотра заявил: «Все дело в трудном возрасте этой девушки, от него нет лекарства во всей медицине». Припев:

Ela só quer,
só pensa em namorar.

Она только хочет, только думает о том, чтобы влюбиться.)

Такие песни звучали в нашем доме. Я тоже подпевала. Добродушие, юмор, наблюдательность и вкус к жизни, выражающийся во внимании к каким-то подробностям, деталям, посредством которых передается настроение, очень свойственны сертанским песням. Это своего рода маленькие спектакли. В репертуаре группы есть песня о злключениях деревенской тетки, которая впервые в жизни собралась ехать на поезде, вошла в одну дверь, а в другую вышла, да так и осталась на станции (Trem da Central). Причем мелодия песенки очень приятная, напевная, и в тексте ситуация обыграна так, что невольно видишь мир глазами этой тетеньки, проникаешься к ней сочувствием, но не можешь не улыбнуться.

Кума Себастиана (Sebastiana), которую пригласили плясать на праздник в штате Параиба, а она не умела танцевать; аккордеонист Зе Кашангá, который отказался от гонорара при условии, что хозяин дома найдет другого музыканта, потому что сам он хотел поплясать (песня называется Pisa na Fulô, в дословном переводе – «Наступи на цветок», но исходя из контекста лучше перевести «Шагай по цветам»), и другие – обо всех этих людях сказано в нескольких словах текста песни, но выглядят они очень жизненно.

На мой взгляд, лучшая песня в репертуаре группы – «Бейся, сердце» (Bate coração). Это философское рассуждение о превратностях любви, о том, как трудно любить безответно, будучи неоцененным и непонятым. Несмотря на это, в рефрене поется:

Porque o que se leva dessa vida, coração
É o amor que a gente tem pra dar.

(То, что ценно в этой жизни, сердце <мое>, это любовь, которую ты можешь подарить.)

В сочетании с неспешной, красивой мелодией, грустной и оптимистичной одновременно, песня производит сильное впечатление. Пожалуй, она выражает не только грусть от неразделенной любви, но и бразильский стиль жизни: желание поделиться эмоциями, будь то любовь, радость, наслаждение, восхищение... Даже получать удовольствие от вкусной еды приятнее вместе. Не зря же Малакиас пригласил в гости 40 человек – щедрая душа!

По рекомендации Изис я попала в ансамбль народного танца «Аза Бранка», о чем расскажу в разделе Фестас Жунинас.

Кстати, почему наша, можно сказать, четырехкомнатная квартира сдавалась так дешево – за каких-то 800 реалов, я выяснила в конце мая. В самые влажные месяцы года – май, июнь, июль – с моря где-то в четыре-пять часов утра поднимался сильный туман. Соленая влага пролизывала все, что было в доме. Намного острее чувствовалась предутренняя прохлада. А отсыревшие подушки и матрас за весь день не успевали просохнуть как следует.

Прошло время, я переехала вновь, и на следующий год в этот сезон жила в той же части города, но уже на расстоянии где-то трех улиц от моря. Совсем недалеко от прежнего жилья, но на новом месте перепадов влажности по утрам не ощущалось и вещи не отсыревали.

«Моя твоя не понимает», или Как сплясать африканский танец?

Громко и весело болтая между собой, усталые и довольные уроком, последние ученики покинули танцевальный зал – просторное полуподвальное помещение в бывшем иезуитском монастыре, в котором в наши дни работает школа танцев.

По иронии судьбы, именно в этой школе, лучшей в Салвадоре, наиболее развито направление афро-бразильского этнического танца. А это современный вариант ритуальных плясок языческой религии кандомблэ. В здании, которое возводилось с целью быть оплотом христианства в Новом Свете, теперь обучают танцам, посвященным языческим богам – Омолу́ (Omolú), Иеманжа́ (Yemanjá), Янсá (Iansã), Ёшум (Oxum) и другим.

Урок проходит под живую барабанную музыку, магнитофонов учителя африканских танцев не признают. Основу батареи (bateria) – так называется музыкальная группа – составляют трое перкуSSIONистов, играющих на больших и маленьких барабанах. К ним добавляются музыканты, извлекающие звук из колокольчиков агогó (agogô), различных трещоток и «шумелок» (иногда это просто связка высушенных семян какого-нибудь растения), играющие на маленькой гитаре «кавакиньо» (cavaquinho) или на бубне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.